

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 107–115
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 107–115
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-107-115>, EDN: UZJOVM

Научная статья
УДК [323.281:351.742](470.45)|19|

Политический сыск в Царицынском уезде в начале XX в.: жандармы и общая полиция в борьбе с антимонархическим движением

И. Е. Кочетов

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100

Кочетов Иван Евгеньевич, аспирант кафедры истории и международных отношений, ina-241_619295@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2778-2635>

Аннотация. В статье исследуется деятельность общей полиции и жандармерии в Царицынском уезде в преддверии революционных событий начала XX в., поскольку Царицын, будучи ссыльным пунктом для уличенных в революционной активности подданных, оказывал значительное влияние на развитие революционной ситуации в регионе. Анализируются кадровый состав, методы розыска, материальное обеспечение сотрудников и ошибки в организации работы. Особое внимание уделено оценке эффективности политического сыска, проблемам слежки за революционерами и последствиям хаотичных репрессий. Сравняется деятельность общей полиции и жандармерии. На основе архивных данных рассматривается реальная практика правоохранительных органов, их взаимодействие с населением и причины снижения эффективности борьбы с протестными движениями.

Ключевые слова: жандармы, политический сыск, революционное движение, агентура, общая полиция, репрессии

Для цитирования: Кочетов И. Е. Политический сыск в Царицынском уезде в начале XX в.: жандармы и общая полиция в борьбе с антимонархическим движением // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 107–115. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-107-115>, EDN: UZJOVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political investigation: Problems and features of the struggle against the anti-monarchist movement in Tsaritsyn district in the early 20th century

I. E. Kochetov

Volgograd State University, 100 Universitetskiy ave., Volgograd 400062, Russia

Ivan E. Kochetov, ina-241_619295@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2778-2635>

Abstract. The article examines the activities of the general police and gendarmerie in Tsaritsynsky Uyezd on the eve of the revolutionary events of the early 20th century, as Tsaritsyn, being a deportation point for subjects implicated in revolutionary activities, significantly influenced the development of the revolutionary situation in the region. The study analyzes personnel composition, investigative methods, material support for employees, and organizational shortcomings in their work. Special attention is paid to assessing the effectiveness of political surveillance, the challenges of monitoring revolutionaries, and the consequences of chaotic repressions. A comparison is drawn between the operations of the general police and the gendarmerie. Drawing on archival data, the study explores the actual practices of law enforcement agencies, their interaction with the public, and the reasons for the declining effectiveness in countering protest movements.

Keywords: gendarmes, political surveillance, revolutionary movement, secret agents, regular police, repressions

For citation: Kochetov I. E. Political investigation: Problems and features of the struggle against the anti-monarchist movement in Tsaritsyn district in the early 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 107–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-107-115>, EDN: UZJOVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На рубеже XIX–XX вв. политический сыск был ключевым инструментом по сдерживанию революционного движения, однако эффективной деятельности жандармов мешал ряд проблем: кадровый дефицит, низкие зарплаты и скудное

материальное обеспечение, алкоголизм среди сотрудников, бюрократическая волокита, превышение полномочий, невысокая квалификация и непонимание базовых принципов агентурной работы. Также на работу полицейских поли-

тического сыска влияла коррумпированность местной полиции и администрации. Жандармы преследовали наиболее опасных «врагов государства» – радикальных социалистов, призывавших к свержению монархии, мятежам и насильственным методам борьбы. В статье анализируются проблемы общей и политической полиции, эффективность их деятельности в 1900–1917 гг. в Царицынском уезде Саратовской губернии, а также сложности и специфика противодействия политической полиции антиправительственным выступлениям на региональном уровне. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения функций и влияния спецслужб в охране государственных интересов и поддержании национальной безопасности.

Общероссийская историография политического сыска остается актуальным направлением исследований, появляется все больше работ регионального характера, но проблемы, с которыми сталкивались сотрудники в ходе своей деятельности, недостаточно разработаны в специализированных исследованиях. В. А. Кудин отмечал проблемы материального положения полиции в начале XX в. [1]. Т. Л. Матиенко в статье прослеживает корреляцию заработных плат различных полицейских чинов в начале XX в., анализирует динамику окладов в зависимости от государственных программ, направленных на улучшение материального положения служащих [2]. Н. И. Биюшкина установила отсутствие законодательной регламентации форм надзора в течение длительного периода, что вызывало неопределенность в выборе полицейскими мер воздействия в отношении поднадзорных лиц [3]. А. Хомутецкий выявил негласную практику закрытия жандармами легальных профсоюзов, чтобы лишить революционные силы возможности действовать в легальном поле [4]. Ю. В. Варфоломеев в статье рассмотрел причины конфликтных ситуаций между охранными отделениями и жандармскими управлениями, которые возникали вследствие ряда структурных и функциональных противоречий [5]. А. С. Опилкин определил мотивы, побуждавшие служащих к работе в жандармских управлениях [6]. З. И. Перегудова внесла значительный вклад в изучение системы политического сыска Российской империи, детально исследовав организационную структуру и методы работы, включая практику привлечения унтер-офицеров к наружному наблюдению [7]. Ю. А. Реент проанализировал механизмы взаимодействия центральных и местных органов политического розыска в Российской империи, определил функции сотрудников жандармских управлений [8]. Ю. Ф. Овченко раскрывает методы политического сыска, включая систематическое подавление революционных организаций и тактику провокаций, направленные на ослабление оппозиции и укрепление самодержавия [9]. М. С. Чудакова выявила харак-

терные недостатки кадровой политики в органах политического сыска, продемонстрировав, как некомпетентность руководства и вынужденное совмещение функций рядовыми сотрудниками снижали эффективность [10]. Однако аспекты, затронутые исследователями, требуют дальнейшего анализа для более глубокого понимания функционирования политического сыска в Российской империи, в том числе и региональных особенностей, в частности – на примере Царицынского уезда.

Региональная историография политического сыска, затрагивающая Царицынский уезд, представлена фрагментарно и недостаточно, но в современной исторической отечественной науке прослеживается интерес к местной истории. Царицын, как часть Саратовской губернии, попадал в сферу научных интересов Е. Е. Гладышевой и Е. А. Гончаровой, чьи работы существенно продвинули изучение местного политического сыска. Е. Е. Гладышева исследовала политический сыск в Саратовской губернии, выделив особенности комплектования состава жандармерии, проблемы алкоголизма, недостатка необходимого оборудования, таких как телеграф и фотоаппараты [11]. Е. А. Гончарова изучила систему материального содержания жандармов и секретных агентов Саратовской губернии, определив корни конфликтов между структурами политического сыска [12]. Проблему насилия полиции при подавлении протестов в ходе Первой мировой войны в монографии по истории Царицына осветил М. А. Водолагин [13].

Анализ этих работ выявляет системные проблемы в организации сыска, среди которых ключевой оставался вопрос кадрового обеспечения. Приоритетом для губернских жандармских управлений (ГЖУ) и охранных отделений (ОО) было успешное осуществление борьбы с антимонархическими проявлениями, для чего требовались качественные сотрудники. Традиционно рядового состава в структуре жандармов не было, так как даже младшие чины (унтер-офицеры) комплектовались из прошедших сверхсрочную службу в кавалерии [11, с. 70]. Зачисление на службу было возможно только при ходатайстве начальника управления в Штаб корпуса с характеристикой и служебной репутацией рекрутируемого, после чего кандидату нужно было сдать экзамены по праву, экономике и истории. Чтобы стать городовым, самым низшим сотрудником общей полиции, было необходимо быть в хорошей физической форме, иметь за плечами годы военной службы или звание унтер-офицера. Столь высокий ценз подразумевал поиск профессионалов, прошедших военную подготовку и имевших высокий уровень грамотности и знаний. Как Департамент полиции вознаграждал их за тяжелую работу?

На качество работы полицейских и уровень подготовки принимаемых на службу кадров

влияло материальное положение служащих. Достаток относительно общеимперского уровня был на низком уровне как у общей полиции, так и у жандармов. По оценке В. А. Кудина, городской в среднем получал заработную плату меньше, чем чернорабочий [1, с. 8]. После повышения окладов в 1908 г. годовое содержание городского составляло 300 руб., урядника – 400 руб., околоточного надзирателя – 600 руб., станового пристава – 800 руб., полицмейстера – 1700 руб., уездного исправника – 1500 руб. [2, с. 103]. В Царицынском уезде денежное обеспечение жандармов складывалось из нескольких статей доходов: зарплата, квартирные деньги, средства на транспорт и фураж. Кроме того, им предоставлялось вещевое довольствие, средства на канцелярские принадлежности и обеспечение оружием и боеприпасами. В 1906 г. унтер-офицер получал 20 руб. жалованья [14, л. 62] и 9 руб. квартирных [14, л. 123], что составляло 348 руб. в год. За транспорт и фураж полицейские платили сами, а в конце месяца писали рапорт с просьбой о компенсации управлением, или же помощник начальника Саратовского ГЖУ (СГЖУ) просил управление выделить бесплатные билеты или льготный проезд [15, л. 1 а]. Вещевое довольствие было забюрократизированным и недостаточным. Доходило до абсурда: ротмистр был вынужден при необходимости просить управление выслать нитки на починку мундира [16, л. 1 б]; обеспечение новыми вещами было не налажено: в 1906 г. управление просило вернуть башлык увольнявшегося унтер-офицера Ефима Романова, который был выдан ему еще в 1896 г., однако вернуло обратно из-за несоответствия нормам одежды [16, л. 5]. Помощник начальника СГЖУ, ответственный за политический сыск в Царицыне, получал зарплату в 75 руб., квартирных 25 руб. [14, л. 18], а также 60 руб. на столовые расходы [14, л. 3]. Зарплата агентов наружного и внутреннего наблюдения зависела от решения начальника СГЖУ и измерялась полезностью агента (могла выплачиваться как ежемесячная зарплата, так и сдельная в зависимости от количества и качества предоставленных сведений). В 1909 г. царицынские агенты «Тит» и «Терентьев» ежемесячно получали 25 руб. и 30 руб. соответственно, в мае 1911 г. «Сербову» заплатили 45 руб., в марте 1912 г. филеру «Брянскому» выплатили 20 руб. [12, с. 15–16]. Повышение зарплат среди всех служащих полиции состоялось только в 1916 г. в 1,5–1,9 раз в зависимости от должностей [2, с. 105–106].

Важно учесть служебную мотивацию жандармов, что непосредственно влияло на качество сыскной деятельности. Заведующий Особым отделом (ОО) Департамента полиции (ДП) А. Васильев характеризовал начальника СГЖУ в 1907–1912 гг. В. К. Семигановского как ленивого, способного разве что управлять политическим

сыском в Костромской губернии, потому что там низкий уровень развития революционного движения [10, с. 29]. В 1910–1912 гг. Особый отдел ДП инспектируя Саратовское ОО (СОО), выяснил, что «офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему» [11, с. 96]. Чем было вызвано подобное? Кроме психологической нагрузки и низкой оплаты труда, влияло отсутствие взаимосвязи проделанной работы и продвижения по службе. Отдельный корпус жандармов относился к военному министерству, поэтому новые «погоны» определялись сроком выслуги в определенных чинах [6, с. 8–9].

Одной из ключевых проблем являлась конкуренция ГЖУ и ОО. С появлением последних в 1902 г. политический сыск в губернских центрах был отнят у ГЖУ в пользу ОО, что вызвало постоянные столкновения между структурами в борьбе за финансирование. Хотя их функции были разделены: розыск и наблюдение – за ОО, проведение дознаний – за ГЖУ, функции переплетались, создавая неразбериху [5, с. 197]. Но ОО достались губернские города, где и велась наиболее активная революционная деятельность [17, с. 125]. ОО могли собирать информацию о планах региональных антигосударственных организаций как в городе, так и в уездах, имея более ясную картину развития революционного движения в отведенном им районе, чем ГЖУ [18, с. 27]. ОО явно имели большие преимущества в сыскной деятельности, ГЖУ не сдавались и конкурировали, иногда нечестными способами. Так, начальник Саратовского управления князь А. П. Микеладзе запретил начальнику СОО А. П. Мартынову личные контакты с местным губернатором, администрацией и судебной властью, департаментом полиции и другими учреждениями, что противоречило закону. Также бывали случаи, когда начальник СГЖУ не давал разрешение на обыск членами СОО по собственной прихоти [11, с. 63].

Царицын практически не затронули последствия соперничества между СОО и СГЖУ. Агенты СОО посещали Царицын только в случае установленной взаимосвязи саратовских и царицынских революционеров и успешно взаимодействовали с царицынскими жандармами. Так, дело Ольги Загрековой 1902 г. об организации революционного кружка вел Яков Егоров, агент СОО [19, л. 5]. СГЖУ перехватило письмо подзреваемой и направило его в СОО, после чего упомянутый агент был командирован в Царицын.

Недостаточное финансирование приводило и к острому дефициту технического инструментария. Телеграф использовался полицией уже в 1870-х гг., но был дорогостоящим средством. В Царицыне до Первой русской революции телеграф использовался редко [11, с. 173]: только при кооперации с Саратовом и другими ГЖУ

при операциях против революционных кружков или в донесениях начальника СГЖУ к своим помощникам. Помощники СГЖУ писали все вручную: осуществляли связь с унтер-офицерами, составляли политические отчеты, вели журналы по неблагонадежным и всю корреспонденцию в целом. После 1905 г. помощник СГЖУ активно пользовался телеграфом для связи с подчиненными и начальством, но унтер-офицеры редко использовали телеграф. Кроме того, проблема была еще и в поиске телеграфиста – многие не хотели работать на полицию.

Важным фактором при розыске и опознании человека в начале XX в. становится фотография. В рассматриваемый период у правоохранителей был острый дефицит фотоаппаратов из-за дороговизны. Государство устанавливало нормы даже для отправки телеграмм в целях экономии бюджета, не говоря о фотокарточках. В целом по империи существовало мало снимков революционных деятелей, фотографии основных рассылались по всем жандармериям и охранным отделениям. Даже при Поволжском районном охранном отделении не было собственного фотоаппарата, который стоил около 200 руб., не говоря о местных ГЖУ и ОО, из-за чего приходилось пользоваться аппаратурой Саратовского сыскного отделения (общая полиция). Только к 1914 г. у СГЖУ появился фотоаппарат, что значительно расширило фотографическую картотеку неблагонадежных лиц [11, с. 178–179].

В конце XIX в. одной из основных проблем оставалась малочисленность политической полиции. К 1905 г. численность населения города Царицына составляла более 100 тыс. человек, а у помощника начальника СГЖУ были вахмистр и три унтер-офицера, оставшиеся два были закреплены за Камышином и Дубовкой. Ротмистр просил увеличить штат на 20 унтер-офицеров – по 10 в Царицынский и Камышинский уезды [20, л. 7 об.] из-за роста рабочего населения, большой протяженности Царицына и наплыва пришлого населения. С началом Первой мировой войны кадровый кризис в жандармерии усугубился. Деятельность большинства школ и курсов по подготовке сотрудников была свернута из-за недостаточного финансирования. У жандармов сохранялась низкая заработная плата, престиж службы падал, поэтому многие увольнялись – ситуация была настолько критической, что даже столица испытывала кадровый голод [11, с. 96–97].

Из-за хронического недокомплекта жандармского штата сотрудники общей и политической полиции были вынуждены исполнять обязанности филеров. Жандармы обладали правом осуществлять наружное наблюдение, однако Департамент полиции ограничивал применение данной практики, разрешая её исключительно в ситуациях оперативной необходимости [7, с. 177].

Начальник СГЖУ в ноябре 1907 г. писал помощникам, что унтер-офицеры могут находиться в штатском платье только при исполнении филерских обязанностей [21, л. 461]. В августе 1916 г. помощник начальника СГЖУ в Царицыне И. Е. Тарасов просил разрешения поручить наблюдение за военнопленными двум унтер-офицерам в штатском [22, л. 292]. Царицынские приставы вели негласный надзор за ссыльными [23, л. 16]. Подобная практика встречалась и в других крупных городах страны: в Ярославле в 1904 г. политическим сыском ведала общая полиция, а городские исполняли функции агентов наружного наблюдения [10, с. 29]. В Орловской ГЖУ работало 6 филеров, двое из которых были унтер-офицерами, в Калужском ГЖУ 8 агентов наружного наблюдения: двое писцов при жандармском управлении, 1 разносчик пакетов в канцелярии [8, с. 227].

Компетентность общей полиции и грамотность в наблюдении за потенциальными революционерами можно проследить по архивным документам на примере поднадзорного – прапорщика запаса Пучковского. Важно учесть, что до 1882 г. формы надзора за политически неблагонадежными лицами не были регламентированы и ограничивались внесением поднадзорного в списки, не предполагая конкретных мер наблюдения [3, с. 80]. В рассматриваемый период существовали гласный, особый и негласный надзор. Последний был тайной для подозреваемого. Царицынский полицмейстер, глава обычной городской полиции, Н. В. Потоцкий не понимал различий между особым и негласным надзором, поэтому хотел отменить у поднадзорного Пучковского вид на жительство за выезд за пределы Области Войска Донского. Остановил его ротмистр Кох, помощник начальника СГЖУ. Кроме того, данные о выезде оказались ошибочными – поднадзорный жил в известной городской гостинице в центре города безвыездно около месяца. Также ротмистр жаловался, что полицмейстер не выполняет своих обязанностей по розыску поднадзорных лиц, выехавших из города, получая от Потоцкого отписки о том, что их не нашли. Но в дальнейшем обнаружилось, что указанные лица проживали в центре города [24, л. 34 об.]. Дубовский полицмейстер Шмаганов жаловался на бездействие Потоцкого, так как был вынужден отправлять команды в Царицын для поиска преступников, относящихся к ведомству дубовской полиции. Кроме того, сама секретность бумаг о поднадзорных не соответствовала статусу, так как их препровождали полицмейстеру, отправлявшему их приставам, а последние заносили их в настольные бумаги, доступ к которым имела канцелярия. Отсутствовал специальный реестр для секретных бумаг – они приобретали гласность сразу после отправки [20, л. 34 об.].

Рассмотрев неорганизованность политического сыска, обратимся к эффективности общей полиции по раскрываемости преступлений. Ее сложно оценить из-за отсутствия статистики по Царицынскому уезду. Но по свидетельству ротмистра Коха, в 1901 г. у населения к работе общей полицией была масса нареканий, а в Царицыне в целом, участились случаи краж и грабежей [20, л. 10–10 об.]. Приведем общеимперские показатели. С 1900 по 1913 г. преступность возросла с 0,0017 до 0,0020 в расчете на душу населения, не учитывая преступления, оставшиеся неизвестными властям. Раскрываемость зафиксированных преступлений составляла 40–45% [2, с. 105]. Проследить типичную схему работы полиции можно по делу о пропаже лошади. С 13 января по 6 августа 1906 г. из почти сотни пропавших лошадей ни одна не была найдена. Как осуществлялся розыск? Для наглядности возьмем случай крестьянина Сарафанова, проживавшего в слободе Пичуге Ерзовской волости, у которого в ночь на 12 апреля пропала лошадь. 11 мая 1906 г. старшина Ерзовского волостного правления пишет в Царицынское уездное полицейское управление о пропаже лошади. 15 мая управление направляет пристава первого стана на поиск лошади; 25 мая пристав отчитался, что не нашел лошадь. Тогда же, 15 мая, расследование поручили и приставу второго стана; 25 мая уже он отчитался о неудаче в поисках. В тот же день розыск лошади поручили дубовской полиции. 22 мая поиск был уже поручен приставам Черноярского уезда Астраханской губернии и полицейскому надзирателю г. Черного Яра [25, л. 13]. Хотя почти одновременно розыск поручался всему Царицынскому уезду, а в дальнейшем был также передан даже в соседнюю губернию, пристав первого стана передал дело для исполнения приставу второго стана 23 мая, а последний отчитывался о неудаче в поисках уже 25 мая, но передал дело приставу третьего стана только 31 мая. Розыск фактически не велся – дела передавались из рук в руки, а когда все приставам заявляли об отсутствии успехов, дело закрывали.

Остро стояла проблема алкоголизма как у сотрудников жандармерии, так и общей полиции, поэтому Департамент полиции рекомендовал начальству следить за новичками в первые годы службы [11, с. 90]. В селе Каменный Брод, находившемся в пределах Ольховского района Царицынского уезда, 14 ноября 1905 г. произошел инцидент, связанный с неправомерными действиями местного пристава. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, должностное лицо допустило оскорбительные высказывания в адрес крестьянина, занимавшегося законной заготовкой хвороста, после чего конфисковало у него рабочий инструмент. В результате группа сельских жителей во главе со старостой совершила нападение на усадьбу помещиков Всеволжских, сопровождавшееся поджогом

хозяйственных построек. Опасаясь ответственности, пристав в своем донесении вышестоящему руководству предумышленно ложно квалифицировал произошедшее как бунт, и уже 16 ноября в Каменный Брод прибыл исправник и рота местного полка [26, л. 18–19]. В жандармерии Царицына унтер-офицеры также злоупотребляли горячительными напитками. В ходе внутреннего конфликта помощник начальника СГЖУ И. Е. Тарасов открыто признавал, что вахмистр Скрыпников раньше посещал публичных женщин и выпивал за счёт зажиточных, в то время как унтер-офицер Сивашов обвинял вахмистра в систематическом пьянстве и вымогательстве денег у торговцев горожан [27, л. 22].

Особую сложность для правоохранительных органов представлял статус Царицына как места ссылки для уличенных в революционной активности подданных. Ссылных обычно подвергали гласному надзору на новом месте жительства, то есть они знали, что за ними следят. Ротмистр жаловался, что многие поднадзорные, прибывшие в Царицынский уезд, продолжали вести антиправительственную пропаганду. В 1898 г. в Царицыне находились Павел Ерофеев, Спиридон Тарасов, Сергей Гришанов, братья Леонид и Владимир Асмоловы. Первые трое привлекались к дознанию за ведение пропаганды среди рабочих на фабриках во Владимирской губернии, а последние двое состояли в Киевском союзе борьбы за освобождение рабочего класса [24, л. 33 об.]. В Царицыне они устраивались в артели рабочих и на заводы. В дальнейшем братья Асмоловы станут значимыми фигурами в среде царицынских большевиков.

Еще одной проблемой политического сыска была бюрократическая система, затруднявшая оценку эффективности работы жандармерии. ГЖУ боролось с ОО за финансирование, поэтому для отчетности было необходимо выдавать высокий коэффициент результативности. Основных методов борьбы с революционным движением у сыска всегда было три: 1) организацию обнаруживали и позволяли ей разрастись под чутким наблюдением агентов, чтобы собрать достаточный материал для доказательства их виновности в суде, а после инициировали внезапный обыск; 2) ведомства наносили систематические удары по главным революционным деятелям, включая их регулярные аресты, и перекрывали внешние каналы поддержки (из других городов), таким образом, организация переставала существовать; 3) метод С. В. Зубатова, заключающийся в «идеологической диверсии», использовался для укрепления самодержавного строя через сталкивание внутрипартийных группировок [9 с. 38]. Первый метод был популярен до 1905 г., но с началом революции было решено перейти ко второму методу. Причем наибольший успех показали именно ОО. Но после разгрома социалистических партий

перед ведомствами вставала проблема – кого ловить, если организации перестали существовать, а их лидеры в тюрьме? ГЖУ и ОО оставляли обычно одну-две революционных организации с внедренными агентами, позволяя им существовать в обескровленном виде [11, с. 162–163].

Недостаток революционной активности вредил отчетности жандармов, вследствие чего они иногда прибегали к провокациям. Провокация заключалась в том, что агенты сами создавали подпольные ячейки или подстрекали к незаконным действиям и вовлекали людей в нелегальные структуры. Департамент полиции запрещал любую провокаторскую деятельность агентов внутреннего наблюдения. Но в случае необходимости активной работы со стороны сотрудника в организации для сохранения своего положения в ней агент был обязан спросить разрешения у начальника [11, с. 149]. В Саратове в период 1905–1907 гг. метод провокации использовался СОО [11, с. 153], но в Царицыне из-за слабой агентуры в целом и преимущественном контроле СГЖУ случаи открытой провокации не были обнаружены. Царицынский агент «Терентьев» прекратил деятельность по внутреннему наблюдению вследствие запрета СГЖУ на ведение партийной работы и любых активных действий [26, л. 138].

Сложностью для жандармов в ходе осуществления политического сыска было сформировать доказательную базу на обвиняемого в антигосударственных действиях в ходе судебных разбирательств. В ходе «Великих реформ» суд обрел независимость от администрации, а обвинение должно было подкрепляться материальными доказательствами и показаниями свидетелей. До 1904 г. политические дознания осуществлялись в административном порядке, а с принятием закона 7 июня 1904 г. стали разбираться в судебном порядке [11, с. 166]. Это не означает, что до принятия закона царь производил – дознания производились при прокурорском надзоре, нередки были случаи, когда при недостаточном количестве доказательств прокурор писал начальнику СГЖУ о необходимости подкрепления дела дополнительными сведениями. Прокурор, как государственный обвинитель, после принятия закона стал более настоятельно требовать от СГЖУ более глубокого рассмотрения дел. В ходе Первой русской революции количество оправдательных приговоров относительно революционеров увеличилось из-за боязни свидетелей за свою жизнь, так как соратники обвиняемого могли угрожать расправой, и из-за увеличения количества участников антимонархических движений. СГЖУ получает право задерживать сроком на 2 недели подозреваемого в противоправной деятельности, а с разрешения губернатора арест можно было продлить до месяца [11, с. 167]. Если вина не была доказана в течение месяца, то уличенный попадал

под надзор до решения прокуратуры. Начинает преобладать практика административной расправы вместо судебной. Важно учесть, что подобной лазейкой в законодательстве активно пользовались на местах, что осуждалось центром, так как задерживали всех членов социалистических партий, а далее уже отпускали после обысков. Массовые аресты лишь частных к партиям вызывали недовольство населения и ухудшение отношения к полиции. В январе 1906 г. в ходе массовых задержаний активных революционеров помощник СГЖУ инициировал обыск у некоего Колосова, который провел помощник пристава 1-й части Смирнов. В ходе обыска не обнаружили ничего компрометирующего, кроме листка с упоминанием уже арестованного А. Г. Яржемского. Колосов был задержан. Из-за слабой доказательной базы управление привлекает в качестве свидетелей преимущественно полицейских: пристава 1-й части Боранова, его помощника Смирнова, околоточного надзирателя Белова (подчиненный Боранова), старшего городского 1-й части Розникова и штаб-капитана 226 полка Чернявского [28, л. 15]. Прокурор Голубов вернул дело для поиска новых свидетелей из-за разночтения в показаниях свидетелей – полиция не представила новых доказательств, и прокурор прекратил дело [28, л. 16].

После организации митингов Розанов, главный врач Царицына, был задержан 7 января 1906 г. 22 февраля помощник начальника СГЖУ писал, что священник Николаевской городской церкви Федор Космолинский подал ротмистру прошение об освобождении Розанова под залог. Товарищ прокурора стоял за освобождение, что вызвало у СГЖУ двойственные чувства. Управление знало, что Розанов мог помочь заново объединить разгромленную в ходе январских арестов РСДРП, так как сочувствовал антимонархическим группам, был богатым и влиятельным в городе человеком, а, с другой стороны, городская интеллигенция активно его поддерживала из-за его решения баллотироваться в Государственную Думу [28, л. 42]. Суд отстоял права вредного для сыска человека из-за верховенства закона.

С активной деятельностью жандармов соседствовала банальная лень помощника СГЖУ и халатность. Интересно дело Суворова, который был обличен в антимонархической деятельности в феврале 1910 г. Начальник СГЖУ поручил царицынскому ротмистру допросить и обыскать Суворова, проживавшего за 100 верст от города. Но из-за имевшихся у ротмистра, по его словам, неотложных дел, он не спешил туда ехать, так как путь предстояло проехать по грунтовой дороге, поэтому ротмистр просил отложить дело на потом или поручить исполнению общей полиции [29, л. 40].

Рассматривая вопрос эффективности политической полиции, стоит затронуть практику

искусственного завышения показателей за счет формального закрытия легальных организаций. 11 января 1914 г. был закрыт союз торгово-промышленных служащих по ложному доносу некоего Козмина. Последний, состояв в союзе, 3 месяца не платил членских взносов, из-за чего был из него исключен [4, с. 5]. Обиженный решением союза, Козмин написал заявление Саратовскому губернатору С. С. Татищеву, где указал, что союз нарушает устав. Губернатор распорядился об обыске в союзе, при котором нашли несколько нелегальных изданий, включая произведение Максима Горького «Мать». После чего губернатор официально закрыл союз торгово-промышленных служащих [там же]. Союз закрыли до начала Первой мировой войны, и до падения самодержавия он не был восстановлен. Кроме предложенного выше объяснения закрытия профсоюзов стоит упомянуть и общую политику государства. К концу 1907 г. в Саратовской губернии из 32 профсоюзов уцелело 8, а в 1909 г. были закрыты последние два (металлургов и портных), но они продолжали действовать нелегально [11, с. 106]. Государство разрешало создание профсоюзов, но искало предлог для их ликвидации.

Одной из важнейших проблем полиции империи было непонимание способов взаимодействия с протестными митингами и собраниями. До 1905 г. в Царицыне практически не было массовых митингов и демонстраций политического характера, только забастовки рабочих заводов с требованиями повышения заработной платы в 1898 и 1900 гг. [13 с. 160] Полиция и жандармы не имели опыта работы с массовыми политическими выступлениями. Ярчайшим примером служит первомайский расстрел 1906 г., ставший катализатором крупнейшего массового мероприятия, проходившего в Царицыне в ходе Первой русской революции в виде последующих похорон расстрелянных участников маевки 1 мая 1906 г. Большевики планировали в ходе маевки устроить всеобщую забастовку и приостановить деятельность на предприятиях. Как подготовились к событиям жандармы, имевшие тогда провокаторов в большевистской ячейке? В город были вызваны всего 15 казаков, тогда как боевая дружина РСДРП в Царицыне к концу 1905 г. составляла 30 человек, вооруженных револьверами [30, с. 53]. Но организованная большевиками демонстрация была малочисленной, а агитаторов А. Г. Яржемского, М. П. Морозова, П. В. Бахолдина задержали, когда они ходили по магазинам, убеждая служащих не работать. В 6–7 вечера помощник полицмейстера Попов, увидев из окна скопление людей, распевавших песни, сообщил об этом полицмейстеру А. В. Благовещенскому. Полиция даже не узнавала какие-либо сведения о проходившей толпе и вызвала казачий разъезд. Без приказа и предупреждения казаки на конях «протаранили» толпу и избивали

людей нагайками. Попов выяснил, что скопившиеся люди были ополченцами, следовавшие в казарму. Ополченцы продолжили путь к месту назначения, но свидетелями расправы стали горожане – собралась 4-тысячная толпа, требовавшая убрать казаков с улиц. Прибывший полицмейстер с казачьей сотней приказал ее командиру разогнать толпу лошаадьми – горожане ответили бросанием камней, после чего казаки открыли огонь по людям. Были тяжело ранены 8 человек, легкие ранения получили около 20 человек, скончались от ранений 3 человека. 2 мая тысячи горожан собрались у места расстрела. 3 мая в город из Саратова прибыли губернатор, прокурор окружного суда и начальник СГЖУ – толпа кидала камни в представителей власти. Вскоре два большевика Эпштейн и Сургучев договорились с губернатором о проведении 3 мая похорон Федулова и Летюхина без участия полиции. 5 мая похоронили также скончавшуюся в больнице Ольгу Голубеву. Оба дня прошли мирно, столкновений с полицией не было. Важно, что жандармы и общая полиция не действовали сообща, а карательные действия общей полиции были беспочвенны и только усилили революционные организации. Так, к июню 1906 г. царицынская РСДРП насчитывала уже около 250 человек, тогда как в начале 1905 г. в партии состояло несколько человек [13, с. 164].

Другой случай применения неоправданной жестокости и репрессий со стороны общей полиции произошел летом 1914 г. Жены мобилизованных солдат подверглись нападению со стороны полиции. Жены хотели узнать у властей о возможных пайках для семей фронтовиков, на что городская дума ответила выдачей по 15 фунтов соли [13, с. 169]. Такая мера поддержки вызвала протест. Полиция заявляла, что были случаи столкновения с полицией, а большевики раздували протест слухами о планируемых погромах, но информация о пострадавших полицейских и крупных митингах не подтверждается отчетностью СГЖУ. 22 июля между женами мобилизованных и военным руководством разгорелся спор, вмешалась полиция, пытаясь выгнать жен. Начался стихийный митинг, в ходе которого солдаты 187-го Аварского полка и сотни казаков Ф. А. Рвачева жестоко подавили протест – открыли огонь по горожанам. Было убито 32 человека, ранено 80 человек [13, с. 170]. Полиция оправдывала подобное насилием толпы в отношении полицейских и казаков (бросали в них камни). Волнения запасных Аварского полка были усмирены военным начальством. 24 июля 1914 г. в Саратове была введена чрезвычайная охрана. Было осуждено 30 жен фронтовиков. Начались новые репрессии – 1 августа арестовали вернувшегося из ссылки С. К. Минина и опытного большевика П. В. Гвоздева за антивоенные публикации. В Царицыне размещали гарнизоны численностью до 15–20 тыс. человек [13, с. 170].

Большевистское ядро было окончательно разбито.

Важно упомянуть о неприглядном факторе действий полицейских. В марте 1908 г. был зафиксирован показательный инцидент. Помощник СГЖУ по Царицынскому и Камышинскому уездам в отчете начальнику писал, что задержанный за распространение листовок А. А. Мамонтов во время его содержания в арестантском доме до перевода в тюрьму снял лампу и вылил на себя керосин, после чего был доставлен в больницу, но на следующий день скончался [26, л. 123–124]. Официально случай признали самоубийством. Поскольку за распространение листовок грозило всего 1,5–2 года тюрьмы, мотивы предполагаемого самоубийства выглядят необъяснимыми. Вероятно, это было либо следствием пыток, либо умышленной расправой над задержанным.

Анализ деятельности политического сыска в Царицынском уезде начала XX в. выявил комплекс системных проблем, существенно ограничивавших его эффективность. Ключевыми факторами, подрывавшими работу правоохранительных органов, стали хронический кадровый дефицит, крайне низкое материальное обеспечение сотрудников и катастрофическая нехватка технических средств – от фотоаппаратов до телеграфной связи. Ситуацию ухудшали бюрократическая волокита и неотработанные механизмы управления. Особую проблему представляла кадровая политика: многие сотрудники не имели должной подготовки, а низкие зарплаты провоцировали коррупцию и алкоголизм среди полицейских. При этом репрессивные меры – массовые аресты без достаточных оснований, жестокое подавление протестов – вместо стабилизации ситуации лишь усиливали антиправительственные настроения. Таким образом, политический сыск в Царицынском уезде, основанный преимущественно на карательных мерах общей полиции без системного подхода к решению социальных проблем, и методы жандармов не смогли предотвратить революционный кризис и объективно способствовали его эскалации, что подтверждает неэффективность репрессий как инструмента против системного кризиса.

Список литературы

1. Кудин В. А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. История и археология. 2011. № 2 (50). С. 4–11.
2. Матиенко Т. Л. Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыска и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 101–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-5-101-108>
3. Биюшкина Н. И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80–90-х гг. XIX в. // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 79–82.
4. Хомутецкий А. Краткий очерк Союза Царицынской губернии с 1906 по 1922 год. Красный Царицын : Царицынск. губотд. Союза соработников, 1922. 55 с.
5. Варфоломеев Ю. В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192–202. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-192-202>
6. Опилкин А. С. Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX века глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов // Государственное управление. Электронный вестник. № 31. 2012. С. 1–16.
7. Перегудова З. И. Политический сыск России, 1880–1917. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. 432 с.
8. Реент Ю. А. Полицейская система Российской Империи начала XX века (1900–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 521 с.
9. Овченко Ю. Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 487 с.
10. Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 26–38.
11. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: на материалах Саратовской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 207 с.
12. Гончарова Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии / под ред. А. В. Воронежцева. Саратов : Научная книга, 2006. 96 с.
13. Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М. : Наука, 1968. 448 с.
14. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6 (Помощник начальника Саратовского Губернского Жандармского управления в Царицынском уезде). Оп. 1. Д. 116.
15. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115.
16. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 119.
17. Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 29–411.
18. Гончарова Е. А. Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг. (на материалах Саратовской и Самарской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 305 с.
19. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 92.

20. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 60.
21. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 43.
22. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 434.
23. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 340.
24. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28.
25. ГАВО. Ф. 1 (Царицынское уездное полицейское управление Саратовской губернии). Оп. 1. Д. 44.
26. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 101.
27. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 415.
28. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111.
29. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 249.
30. Григорьев А. П. Из революционного прошлого // 1905 год в Царицыне (воспоминания и документы) / сост. В. И. Томарев и Е. Н. Шкодина. Сталинград : Кн. изд-во, 1960. С. 50–60.

Поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025;
принята к публикации 10.11.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025;
accepted for publication 10.11.2025; published 02.03.2026